

MOTIVATIONAL-COMPARATIVE ANALYSIS OF VOCABULARY AS PART OF HUMAN-MEANING METAPHORS IN MODERN RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Abdualieva Z.U. (Republic of Tajikistan)

*Abdualieva Zumrad Umarikulovna - Candidate of Philology, Associate Professor,
DEPARTMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE,
TAJIK STATE UNIVERSITY OF LAW, BUSINESS AND POLITICS,
KHUJAND, REPUBLIC OF TAJIKISTAN*

Abstract: *the article discusses the semantic features of metaphors of zoonyms in modern Russian and Uzbek languages, offers various theoretical interpretations of zoonyms in modern Russian. A comprehensive analysis of some zoonymic phraseological units is presented, which can be considered as a new parameter of motivational-comparative analysis of vocabulary to establish interlingual similarities, as well as their differences in the structure and semantics of zoonyms, in determining specific features in the composition of zoonymic phraseological units of the Russian and Uzbek languages.*

Keywords: *semantics, zoonyms, phraseological units, interpretation, parameters, motivational-comparative analysis, interlingual similarities.*

МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ В СОСТАВЕ ЧЕЛОВЕКОЗНАЧАЩИХ МЕТАФОР В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Абдуалиева З.У. (Республика Таджикистан)

*Абдуалиева Зумрад Умаркуловна - кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка,
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики,
г. Худжанд, Республика Таджикистан*

Аннотация: *в статье рассматриваются семантические особенности метафор зоонимов в современном русском и узбекском языках, предлагаются различные теоретические трактовки зоонимов в современном русском языке. Представлен комплексный анализ некоторых зоонимических фразеологизмов, которые могут рассматриваться как новый параметр мотивационно-сопоставительного анализа лексики для установления межъязыковых сходств, также различия в структуре и семантике зоонимов при определении специфических особенностей в составе зоонимических фразеологизмов русского и узбекского языков.*

Ключевые слова: *семантика, зоонимы, фразеологизмы, трактовка, параметры, мотивационно-сопоставительный анализ, межъязыковые сходства.*

Актуальным для современной контрастивной лингвистики является сопоставительное изучение зоонимикона в разносистемных языках. Целью такого анализа является установление межъязыковых сходств и различий в структуре и семантике зоонимов, а также определение специфических особенностей в наименовании крупного рогатого скота, домашних животных и птиц в составе зоонимических фразеологизмов.

Изучение метафоры, начало которому было положено Аристотелем, имеет многовековую традицию. Попытки создания общей теории метафоры делались логиками, философами, психологами и лингвистами разных направлений (Аристотель; Аверинцева, 1993; Арутюнова, 1999; Земская, 1973, 1991, 1992, 1996; Костомаров, 1967, 1971, 1974, 1994) [1, с. 346]. В XX в. в отечественной и зарубежной филологии окончательно выявляется принадлежность метафоры к языку. Метафоризация определяется как главный внутренний двигатель лексико-семантического развития языка [2].

Метафора понимается как троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего класс предметов и явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс объектов, аналогичному данному в каком-либо отношении (В.Н. Телия, 1987, 1988; В.Н. Вовк, 1986; А.А. Потебня, 1976 и др.).

В метафорическом процессе выделяется ряд глобальных семантических сфер: предмет, животное, человек, физический мир, психический мир, абстракция. Проявляются следующие типы метафорического переноса:

- 1) признак > предмет: бетонная каша;
- 2) предмет > человек: действительно, парень - кремень;
- 3) предмет > физический мир: комок в горле;
- 4) предмет > психический мир: грязь жизни;
- 5) предмет > абстракция: куча новостей;
- 6) животное > человек: лиса, змея, медведь;
- 7) человек > человек: ты всегда был немножко актер;
- 8) физический мир > психический мир: искра любви [2].

Животное > человек (лиса, змея, медведь и др.) - лексические единицы, называющие представителей животного мира, которые являются одними из самых древних и распространенных. В данных единицах «национально-культурная обусловленность семантики выражена особенно ярко» [3, с. 26-27].

В лингвистике нет единого подхода к описанию, терминологии, семантической структуре слов, называющих животных. Существуют слова, не являющиеся в каком-либо из языков (русском или узбекском) «зооморфными метафорами» (А.П. Чудинов, 2001).

Например, поросенок имеет переносное значение и может употребляться в качестве метафоры только в русском языке. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой [4, с. 341]:

Поросенок (м.) - 1. Детеныш свиньи; 2. перен. Непорядочный человек. - «Ах ты, поросенок!.. Да каким ты тоном со мной разговариваешь?» [5]; Птенец [6, с. 482] - 1. Детеныш птицы: Птенцы скворца; 2. О ребенке, ученике, воспитаннике

«Родные с плачем, воем и причитаниями отправляли своих птенцов в науку» [7, с. 127]; Змеёныш [4, с. 156] - 1. м. Детеныш змеи; 2. бран. Хитрый, злобный человек («...было трудно поверить в то, что змеёныш все-таки выполнил свою угрозу» [8, с. 93], употреблено во втором значении, переносном).

Итак, слова змеёныш, птенец и поросенок многозначны и являются в современном русском языке зоометафорами. Однако в узбекском языке они имеют лишь прямое значение.

Например: Куш боласи (детеныш птицы, только что родившаяся не умеющая летать птица). «Болалар кúш боласини тутдилар» (Дети поймали птенца). Илоннинг ёгини ялаган (-змеёныш). чўчкача (-поросенок).

Для наименования животных в прямом значении используются термины «зооним» (Т. . Барышникова, М.Н. Лапшина), «зоосемизм» (Л.А. Киприянова). Наиболее употребительным в лингвистической литературе является термин зооним. В узком смысле зооним - это имя собственное, кличка животного (наряду с топонимами и гидронимами как наименованиями географических объектов и антропонимами - именами и фамилиями людей) (М.И. Сюсько 1989).

Широкое понимание термина «зооним» находим в исследовании Л.Ф. Миронюка, который относит к зоонимам любые наименования животных, ср.: крокодил, блоха, орангутанг и др., а также производные от названий животных единицы: волчий, коровушка, конина, пороситься, и все слова, так или иначе связанные с миром животных, см.: зверь, копыто, лес, пастбище, стойло, трава (Л.Ф. Миронюк, 1987).

Л.А. Киприянова предлагает термин зоосемизм. По ее мнению, зоосемия - это родовидовая сверхобщность, в которой ощутим приоритет переносного значения входящих в нее лексем. Большинство единиц в прямом значении номенклатурны, тяготеют к сфере терминологии. Этим обусловлена ограниченность их употребления в обычной речи; в переносном же значении, получая заряд эмоциональности и образности, они становятся широко употребительными как в повседневном общении людей, так и в литературе, придавая языку идиоматичность (Л.А. Киприянова, 1999).

Труды многих лингвистов посвящены изучению переносных (метафорических) значений наименований животных. Для обозначения данных метафор используются термины «зооморфизм» (М.А. Грачев, М.Н. Лапшина, Г.Н. Складневская), «зоометафора» (Т.Ю. Власкина, М.Н. Лапшина), «зооморфная метафора» (А.Г. Голодов), «метафораанимализм» (И.Н. Махова, Л.Н. Лобунько), перифразы - «языковая метафора применительно к названиям представителей животного мира» (О.А. Корнилов), «обозначение животных для метафорических обозначений человека» (Г.Н. Складневская) или же не предлагают специальных терминов, ограничиваются обозначением «категория названия» (Н.Н. Болдырев).

Отметим, что, по утверждению Р.Я. Солодкина, данные термины являются синонимичными (Р.Я. Солодкин, 1976). Исследователями рассматриваются образный потенциал зооморфизмов (К.М. Гулюмянц, 1971), их системная организация (О. А. Рыжкина, 1980); семантико-типологическая характеристика

(Огдонова, 2000); выявляется национальная специфика зооморфных наименований (Е.А. Гутман, 1970; Ф.А. Литвин, 1974; М.И. Черемисина, 1977).

Категориальная природа ЗФЕ в русском и узбекском языках довольно широка и многообразна. Она отображает лексико-грамматическую семантику компонентов ФЕ, обусловленность понятийного содержания ФЕ лексико-грамматическими особенностями оформления компонентного состава, соотношенность компонентов ФЕ с определенной частью речи, значимость грамматической характеристики стержневого слова и специфику реализации парадигмы морфологических форм, свойства структурной организации ФЕ на основе связи компонентов в фразеологизме, особенности порядка следования компонентов в устойчивом словосочетании и т.д.

С точки зрения морфологии в языкознании выделяют субстантивные, глагольные, субъективные ФЕ. Для них характерно то, что одна и та же ФЕ может относиться к разным лексико-грамматическим классам.

Исследуя образные сравнительные обороты в русском и узбекском языках, мы, следуя классификации В.Д. Аракина, можем констатировать то, что по структуре в ЗФЕ основную роль играют: способ выражения синтаксических связей, положение сравнительной части оборота в предложении и порядок распределения компонентов¹.

В отличие от русского языка для узбекских ФЕ характерной является изафетная связь компонентов, способ управления – предложный, тогда как в русском языке более применяется примыкание.

Для обоих языков характерно применение различных лингвистических способов и средств, которые играют роль структурного оформления. В русском языке это союзы *как, словно, подобно*, различные предлоги, а в узбекском – это такие связки, как *каби, -дек/дак* и т.д.

Анализируя структуру ЗФЕ русского языка можно отметить препозицию средств структурного оформления, преимущественное применение формулы А+N: *у невезучей коровы телёнок без хвоста рождается; когда пашня трудна, бык на быка пеняет; у жирной овцы – жизнь коротка; старый конь борозды не портит и т.д.*

Ещё одной характерной общей чертой для ЗФЕ сопоставляемых языков является тот факт, что все данные единицы в своем составе в качестве стержневого компонента используют полнозначные глаголы, которые по структуре могут быть сложносоставными сказуемыми и по частоте употребления применяться один раз в середине предложения, но пропускаться в конце, или наоборот. Например, в русских пословицах: *конь падает – псу праздник; одна овца у бедняка, и ту волк уволок; допустили волка овец караулить* и т.д.

В узбекских: *яхши отга камчи, яхши кизга совчи керакмас; эшак бахши бўлмас, ёмон – яхши; эчкининг шохи, отнинг туёғи хафли.*

¹ Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1979. С. 264.

Выяснилось, что самым многочисленным классом субстантивных ЗФЕ в русском и узбекском языках является подкласс со структурой Adj+ Nom, где вместо прилагательного иногда используется и наречие. В ЗФЕ, соотносимых с существительными рассматриваемых языков, наблюдается атрибутивная связь. В русском языке доминирует согласование, а узбекский язык тяготеет к примыканию в синтаксическом способе управления. Кроме того, для русских ЗФЕ характерно препозиционное положение зависимого компонента по отношению к стержневому, а для узбекских – постпозиционное. Аффиксальное словопроизводство занимает видное место в области русской зоонимии. Данные производные употребительны во всех стилистических типах речи, стилистически подчёркнуты, часто сохраняют фигуральность значения, подчас и образность.

Для обнаружения и анализа семантико-стилистических особенностей в составе ЗФЕ русского и узбекского языков нам необходимо принять во внимание, что при изучении фактического языкового материала следует разграничить традиционные и индивидуально-авторские сравнения.

В переносных значениях отражаются самые разнообразные черты животных: их поведение, повадки, особые качества и т.п. Между тем, в каждом языке система переносных значений наименований животных представляет собой вполне уникальный фрагмент языковой картины мира, отличающийся от других языков не только самими наименованиями животных, подвергающимся семантической трансформации, но и переносными значениями.

Символизация зоонима в значительной степени формируется влиянием (хотя возможна и обратная связь) фольклора: сказки, басни, предисловие, загадки, пословицы, поговорки и прочее. Часто символ бывает основан на воображаемом, а не реалистическом качестве животного. Так, по данным современной психологии животных, осёл – умное животное². Отметим еще одно важное свойство метафоры: образ, выбираемый в качестве основания для сравнения, опирается на национальные ориентиры восприятия и оценки действительности. Так, образ осла (ишака) в русском сознании ассоциируется с трудолюбивым, выносливым, покорно выполняющим тяжелую работу человеком (работает как ишак; ишачить с утра до вечера). Однако особой привлекательностью в сознании носителей языка он не обладает, а, скорее, вызывает чувство жалости и некоторого пренебрежения. В сознании носителей узбекского языка этот образ наделен также оценочным компонентом ‘невзрачный, неяркий, невыразительный’. Живущие по соседству народы часто используют схожие обозначения животных применительно к людям. Если национальные культуры отличаются значительно, наблюдаются расхождения в зоосравнениях. Так, у казахов чибис ассоциируется с жадностью, сова – с безалаберностью и рассеянностью, пчела – со злобностью и недовольством, черепаха – с ленью и беспечностью. В сознании русского таких ассоциаций нет» [Горелов, Седов 1998: 117]. Рассматривая зооморфную метафору в аспекте

² Трубочёв О.Н. «Фаунистика». М.: Прогресс, 1969. С. 126.

ее онтологической сущности, необходимо обратиться к содержательной специфике зоонимов, используемых в качестве антропономинаций. Зооморфная лексика характеризуется несколькими «уровнями значений, тесно связанных между собой, но все же различных. Первое значение может быть условно названо «обыденным», это именование того или иного животного, второе – «мифологическим», оно находит отражение в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах, мифопоэтических представлениях. На основании этих двух уровней формируется стереотипный образ, который и актуализируется при использовании зоонима для зооморфной характеристики человека» [Русское культурное... 2004: 27]. Характерно и обратное явление: семантически расширяются слова, обозначающие чужеземных животных, существующих вне повседневного общения с нами, экзотических. В европейских языках аналогии (русс) таких зоонимов как верблюд, слон, крокодил, жираф, страус, хамелеон, павлин, зебра и прочие получили использование как метафоры.

Верблюд о бане размечтался; верблюд плачет, о соли соскучился; подобру попросишь, верблюд на колени опустится; верблюд высок, а горб ещё выше; верблюд есть захочет, сам себе место хлопочет; верблюд крыльями разживётся, дом раздавит; где верблюды есть, шелковице не быть, где работа есть, голодным не быть; пока есть в караване одногорбый верблюд, тюки на земле не останутся; вот – вот привал, и верблюд захромал; язык верблюда караваничку понятен; оседлал верблюда, далеко смотри; мир решит, караван верблюда пожертвуй; в щель с игольное ушко войдёт холод, ростом с верблюда; последнему верблюду – самый тяжёлый вьюк; верблюду колючек захочется, шею вытянет;

В русском языке:

1. Лексема (название) «скот»: *скот скоту рознь: по виду схожи, а цена врозь.*

2. Лексема «лошадь» и его видовые варианты:

кто лошадей держит, скачкам рад, кто баранов держит – гостям; пугливая лошадь от собственной тени шарахается;

конь - конь от коня резвостью отличается; на коне – отца не признаёт, на жеребёнке – брата. Данная лексема может использоваться и трижды: *на коня сел, думай о голове, с коня слез, думай о коне.*

жеребёнок - *кого лошадь не затопчет, того жеребёнок залягает; где лошадь не прошла, там жеребёнок пробежит; жеребёнок конём станет - кобыла успокоится, а сын мужчиной станет - отец; ближни жеребёнок дальнюю лошадь обскачет; кто жеребёнка усмирит, тот на аргамаке усидит.*

кобыла - *кобыла лягнет, жеребёнку не больно; кобыле с жеребёнком в ауле тесно.*

В узбекском языке:

1. *Бак – бак этган такани ёмгир ёкканда кўр, шак – шак этган келинни сизир сокканда кўр* /Блеющую козу увидишь во время дождя, а словоохотливую невестку увидишь, когда она доит корову.

2. *Ошхонадан айвон яхши, дангасадан хайвон яхши*/чем подворотня, лучше айван, чем бестыжий, лучше баран (здесь: в смысле «скот»); *отнинг улими – итнинг байрами*/смерть лошади – праздник для собаки; *қўй хам эсон бўлсин, бўри хам тўқ бўлсин* / пусть будут и овцы здоровы и волки сыты.

Необходимо отметить, что зоонимическая лексика широко представлена в ФЕ русского и узбекского языков в силу широкой популярности в народе домашних животных, и особенно крупного рогатого скота.

Видовые и родовые названия всех животных – домашних, диких, морских, а также видовые и родовые названия всех птиц (домашних, диких) и насекомых широко употребляются в узбекских пословицах, поговорках и афоризмах.

Таким образом, приходим к выводу, что образные единицы, которые ярко отражают особенности языковой интерпретации действительности, выражают национальное своеобразие образной номинации наиболее наглядно, и проявляется это при сопоставлении обозначений одного и того же референта в разных языках. Общность образной словесной сферы генетически неродственных языков доказывает, что метафора является универсальным орудием мышления и познания мира во всех сферах деятельности. Она присуща всем языкам и во все эпохи.

Все без исключения зоонимы с презентативным значением «домашнее животное» имеют развитую микросистему полисеманта, переносные значения, образующие человекозначащую метафору. А количество корнеслов, обозначающих диких животных, в принципе очень большое, в них выделяют только незначительную часть, которая обладает развернутым переносным значением. Это обусловлено не лингвистическими причинами, а внешними (экстралингвистическими): теснейший контакт человека с окружающей средой, с её представителями из животного мира обуславливает семантическое наполнение именно тех слов, которые номинируют наиболее близкие к человеку разновидности.

Данный сопоставительный анализ образных единиц языка является необходимым в комплексном анализе зоонимов современного русского языка и может быть включен в методику мотивационно-сопоставительного анализа лексики как новый его параметр.

Список литературы / References

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1979. С. 264.
3. Крейдлин Г.Е. «Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык». М., 2007. С. 124.
4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.
5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Русское слово», 1996.

6. *Инчина Ю.А.* Национально-культурная специфика фразеологизмов с зоонимным компонентом в триязычной ситуации (на материале русского, английского и немецкого языков). М., 2002.
7. *Озданова Ц.Ц.* Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира. Иркутск, 2000.
8. *Покровский М.М.* Несколько вопросов из области семасиологии. М.: Филологическое обозрение, 1959. С. 92.
9. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004.
10. Словарь лингвистических терминов. Под. ред. Ахмановой О.С. М.: Советская энциклопедия. 1996.
11. *Трубачёв О.Н.* «Фаунистика». М.: Прогресс, 1969. С. 126.
12. *Юнеев В.В.* Метафоризация слов в текстах современной публицистики. М., 2007.